

Круглый стол «Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2020), 206–226
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2020), 206–226
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-206–226

НАСЕЛЕНИЕ НИЗОВИЙ КУБАНИ XIII–XIV вв. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

И.А. Дружинина

Институт археологии РАН, Москва, Россия
inga_druzhd@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена результатам комплексного анализа археологических и антропологических материалов, полученных при изучении серии грунтовых некрополей золотоордынского времени, локализуемых в низовьях Кубани (Гостагаевский, Жукова, Псебепс-3, Бердичка 3, Натухаевское 5), которые в научной литературе уже получили атрибуцию как погребальные памятники средневековых адыгов. Автор обращает внимание на целый ряд специфических черт, таких, как каменные гробницы особой конструкции, практика одновременных захоронений в одной грунтовой могиле, наличие деревянных гробов в каменных гробницах и других, которые выделяют данную группу памятников на фоне синхронных могильников Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья. Приведены аргументы в пользу версии о полиэтничном характере населения, оставившего могильники. Показаны аналогии особенностям погребальных комплексов рассматриваемых некрополей в средневековых памятниках Тамани, Крыма и Дона. Представлен широкий археологический комментарий результатов анализа антропологических материалов из этих могильников.

Ключевые слова: археология средневековья, антропология, Нижняя Кубань, грунтовые могильники, каменные ящики, черкесы, Золотая Орда

Данные об авторе: Дружинина Инга Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник группы археологии Кавказа Института археологии Российской академии наук.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-29-04313 офи_м)

В последнее десятилетие особую актуальность получила проблема этнокультурной атрибуции серии грунтовых могильников золотоордынского времени, локализующихся в низовьях Кубани, по рекам ее левобережного бассейна – Гостагайка, Маскага, Псебепс (далее – анапская группа грунтовых могильников). Памятники представляют собой некрополи с ингумационными погребениями в простых грунтовых ямах или в каменных гробницах, расположенных плотными рядами. Погребения одиночные или содержат останки нескольких человек, захороненных в разное время. Ориентировка погребенных – западная с сезонными отклонениями.

Полевые исследования памятников этой группы начались в 1979 г. с раскопок некрополя в 3 км южнее станицы Гостагаевская¹. Поиски аналогий памятнику были ограничены «южным направлением» – курганными могильниками с ингумационными погребениями в плитовых гробницах Восточно-Причерноморской² или «Анапско-Геленджикской групп адыгских могильников», для которых были характерны разновременные захоронения в одной каменной гробнице, наличие под курганной насыпью одной или нескольких гробниц, отсутствие единой ориентировки погребенных, обкладка насыпи камнями в два–три ряда, а также обкладка из каменных плит, поставленных на ребро³. Некрополь Гостагаевский также получил «адыгскую атрибуцию». При этом в поле зрения исследователей не вошли грунтовые могильники с погребениями в каменных ящиках, расположенные к западу, на Тамани, для которой левобережные низовья Кубани (вплоть до окрестностей Анапы) в эпоху средневековья являлись ближайшей периферией⁴.

На протяжении последующих тридцати лет этнокультурный состав популяций, оставивших погребения в долине р. Гостагайка, предметно не изучался. Отмечалась лишь близость могильников с каменными ящиками (в том числе и Гостагаевского) окрестностей Анапы и полуострова Абрау закубанским, главным образом, белореченским курганам XIV–XV вв.⁵

На новый этап обсуждения данная проблематика вышла в 2010-х гг., когда один за другим в низовьях Кубани в ходе спасательных археологических исследований были раскопаны аналогичные грунтовые могильники: примерно в 35 км к востоку от Анапы, у станицы Варениковская, на правом берегу р. Псебепс, в 2010 г. был исследован могильник на поселении Жукова⁶; в 2016 г. в 300 м к востоку от него, на левом берегу Псебепса, – могильник Псебепс-3⁷; в 2013 г. в 3 км от станицы Натухаевская – могильник Натухаевское 5⁸; в 2015 г. в долине р. Бедричка (приток Маскаги) – могильник Бедричка-3⁹.

Как и на Гостагаевском некрополе, захоронения здесь совершались в каменных ящиках или простых грунтовых ямах, которые располагались плотными рядами. Значительная часть могил содержала останки от 2 до 7 человек, захоронен-

¹ Алексеева, Шавырин 1980, 92.

² Алексеева 1959, 16–17.

³ Стрельченко 1968, 23–30.

⁴ Чхаидзе 2013, 47, 54–58.

⁵ Армарчук 2003, 226.

⁶ Нечипорук 2018, 154–159.

⁷ Гончаров и др. 2018, 432.

⁸ Бонин 2015, 323–325.

⁹ Дружинина и др., 2017.

ных в разное время, причем эта особенность обряда была характерна не только для захоронений в гробницах, но и для погребений в простых ямах.

В оценке этнокультурной принадлежности анапской группы некрополей мнения археологов разделились. Часть исследователей поддерживает версию о связи данных памятников с протоадыгами¹⁰. Это мнение базируется на сложившемся еще в середине прошлого столетия представлении о том, что Северо-Восточное Причерноморье и Закубанье были заселены однородным в этнокультурном отношении населением. Локальные особенности погребальных (да и бытовых) памятников региона объясняются при этом спецификой погребальных обрядов и материальной культуры различных «адыгских племен»¹¹.

Однако сегодня, в свете результатов археологических исследований одного только района низовий Кубани, ограниченного с юга долиной р. Маскага, а с востока – правобережьем р. Псебепс, подобный подход к оценке этнокультурной специфики обитавшего здесь в золотоордынский период населения представляется неоправданно упрощенным¹². В числе исследованных на этой территории погребальных памятников XIII – начала XV вв. грунтовые и курганные могильники, погребения одиночные и содержащие разновременные захоронения нескольких человек; в простых ямах, в гробах, в колодах, в каменных гробницах, в свою очередь, различающихся по материалу изготовления и конструкции; помимо них известны грунтовые или подкурганные погребения с сопутствующими конскими захоронениями, подкурганные урновые кремации и ингумационные погребения с признаками пережитков обряда трупосожжения¹³. В границах одних и тех же памятников уживались разные погребальные обряды, свидетельствующие не только о длительном, еще с «домонгольского» времени, сохранении традиционных практик, ритуалов, погребальных церемоний, то есть религиозных воззрений, характерных для этнически разнородных популяций, сосуществовавших на одной территории, но и о сложных процессах их интенсивного смешения в рамках формирующейся поликультурной общности¹⁴.

Эти процессы влияли и на формирование локальных особенностей могильников – грунтовых и курганных – с ингумационными погребениями в каменных гробницах. Сегодня в Северо-Восточном Причерноморье выделяются четыре группы плитовых могильников, локализующиеся в окрестностях поселка Ново-Михайловский, Геленджика, Новороссийска, Анапы.

Анапская группа включает курганные и грунтовые могильники, расположенные в бассейнах рек Маскага – на юге и Псебепса – на востоке. В отличие от гробниц остальной части Северо-Восточного Причерноморья, составленных из необработанных плит дикого камня, каменные ящики этой группы изготовлены из белого камня (ракушечника) и с особой тщательностью: плиты подтесывали, выравнивали, для плотной стыковки в них выбивали пазы глубиной до 10 см, стыки обмазывали глиной; на внутренней поверхности отдельных плит прослеже-

¹⁰ Гончаров и др. 2018, 432; Ларенок, Нечипорук 2012, 348; Нечипорук 2018, 155 и др.

¹¹ Алексеева 1959; Стрельченко 1968.

¹² Дружинина 2016а; Нарожный 2019, 24.

¹³ Верещагин, Голубев 2018, 411–414; Армарчук 2003, 216; Дружинина 2018, 406–412.

¹⁴ Нарожный 2011, 25; Дружинина 2016а, 215–218.

ны следы побелки известью. Характерной особенностью является подсыпка дна гробницы песком.

Одной из локальных особенностей курганных некрополей с гробницами анапской группы, неизвестной в плитовых могильниках остальной территории Северо-Восточного Причерноморья, являются впущенные в каменные гробницы деревянные гробы. Еще одной специфической чертой являются каменные оградки прямоугольной формы, сооруженные из поставленных на ребро камней и не примыкающие к насыпям или группам грунтовых погребений, а отстоящие от них на некотором расстоянии.

Инвентарь плитовых погребений анапской группы отличает большое количество импортов (поливной керамики и стеклянной посуды, зеркал, редких для Северо-Западного Кавказа типов украшений: стеклянных браслетов, височных колец с зерно-сканными бусинами, очелий, лазуритовых подвесок и др.), монетных находок, поделок из кости, ремесленных инструментов и серпов, заготовок и брака и др. По минимуму представлены предметы вооружения. Одним из главных отличий вещевого комплекса грунтовых некрополей анапской группы является заметное присутствие в составе погребального инвентаря лепной кухонной керамики, в том числе и кочевнической, в отличие от могильников остальных групп Северо-Восточного Причерноморья, а также Закубанья, где в погребениях абсолютно преобладает столовая посуда¹⁵.

Сравнительное изучение могильников с плитовыми погребениями Северо-Восточного Причерноморья показало, что для памятников окрестностей Ново-Михайловского, Геленджика и в меньшей степени Новороссийска погребения в каменных ящиках можно рассматривать как этнокультурный признак – черту, характерную для погребального обряда местного зихского населения еще с раннего средневековья, в то время как для района бассейна Масагаи – правобережья Псебепса практика грунтовых захоронений в плитовых гробницах – явление «надэтничное», связанное с влиянием фактора иного характера, а именно – с христианизацией населения, причем населения полиэтничного. Распространение общей веры нивелировало разнообразие обрядов и в большой степени интенсифицировало процесс формирования на Нижней Кубани единой этнокультурной общности¹⁶.

В этом отношении самые близкие аналогии, в том числе и по территориальному признаку, – погребальные конструкции грунтовых могильников анапской группы – обнаруживают в погребениях средневековых некрополей Таманского полуострова¹⁷ и Крыма¹⁸.

Так, каменные ящики кладбища около церкви Иоанна Предтечи в Керчи сооружены из тщательно обработанных и подогнанных впритык плит белого камня, швы между плитами заполнены известковым раствором. Гробницы содержали от одного до шести погребенных, ориентированных на З и ЮЗ. Погребения часто перекрывались камкой или дно посыпалось песком¹⁹. Инвентарь погребений

¹⁵ Армарчук 2017, 33.

¹⁶ Дружинина 2018, 263–299.

¹⁷ Чхаидзе 2006, 54, 55.

¹⁸ Макарова 1998, 365–382; Майко 2007, 21, 44 и др.

¹⁹ Макарова 1998, 366–381.

XIII–XIV вв. этого некрополя, а также ряда могильников Судакской долины практически идентичен находкам из грунтовых каменных гробниц низовий Кубани.

Относительно состава населения, оставившего керченские погребения, Т.И. Макарова указывала на его неоднородность и несомненное присутствие, наряду со значительным греческим этнокомпонентом Боспора, а также элементами местной этнической среды, тюркоязычных кочевников XII–XIII вв.²⁰

Столь же многокомпонентным являлось и население дельты Кубани, которое было представлено зихами, касогами, аланами, тюркоязычными кочевниками, а также греками, гемузцами и представителями других народов и общностей. Отсутствие среди особенностей грунтовых некрополей анапской группы характерных «признаков “степного” происхождения», в числе которых называют «кремирование покойного, курганную насыпь, наличие коня, разнообразие оружия и упряжи»²¹, можно объяснить процессами седентаризации и христианизации выходцев из Степи. Аналогичные процессы происходили в золотоордынское время на территории Крыма и хорошо известны по письменным источникам. Заметки на полях Сугдейского Синаксария содержат сведения об активном проникновении кочевой элиты во все сферы светской и духовной жизни Сугдеи: «Все городские севасты (правители) с конца XIII в. носили традиционные для кочевников или двойные, смешанные с греческими, имена, а также были родственниками вчерашних кочевников. Монголы и тюрки были городскими священниками (или состояли с ними в родстве), церковными служителями и монахами. Та же картина наблюдалась и среди рядового православного населения Сугдеи»²². Активное проникновение тюрков в греко-православную среду – городскую и сельскую, дворцовую, военную, ремесленную и крестьянскую – происходило в XIII–XV вв. и на другой стороне Черного моря, в Трапезундской империи²³.

Материалы открытых поселений Северо-Восточного Причерноморья (Андреевская щель 1 и 2, Борисовка, Гайдук 2, Глебовское, Гостагаевское, Су-Псех 2 и др.), в свою очередь, свидетельствуют о неоднородном этнокультурном составе местных племен. Часть поселений на полуострове Абрау (Глебовское и Борисовское) характеризуются наличием многочисленных ям и отсутствием капитальных построек. И в этом смысле сближаются с открытыми селищами Нижнего Подонья и Восточного Приазовья, которые носят характер сезонных кратковременных поселений²⁴.

Материалы Гостагаевского поселения, где зафиксированы каменные кладки строений, и поселения Жукова, где обнаружена строительная черепица, позволяют рассматривать эти памятники как часть ближайшей периферии провинциально-византийской культуры городов Крыма и Тамани, пограничной с культурой населения предгорий Закубанья – протоадыгов и абазин, не воспринявших традиций каменного домостроения, а также с полиэтничным населением степных районов Западного Закубанья, материалы поселений которых (заглубленные округлые основания юртообразных жилищ (Молдавановское 2, X–XIII вв.), остатки полужем-

²⁰ Макарова 1998, 381.

²¹ Нечипорук 2018, 155.

²² Мальшев 2013, 146–147.

²³ Шукуров 1995, 68–103.

²⁴ Армарчук 2017, 38.

лянок, обожженные глинобитные полы и стены, суфы, каны (Железнодорожное 1 и 2, XIV в.)²⁵ также не находят аналогий в этнографии адыгов.

Весомым аргументом в дискуссии об этнокультурном составе населения дельты Кубани эпохи Золотой Орды должны выступить результаты антропологических исследований. Тем более, что серии из могильников Псебепс-3 и Жукова исследованы антропологами²⁶. Основным общим источником для сравнительного изучения обеих серий послужили результаты проведенного В.П. Алексеевым анализа материалов из различных памятников Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья²⁷.

Первый вывод, к которому пришли исследователи: серии могильников Жукова и Псебепс-3 очень близки краниологии «причерноморских адыгов» (по В.П. Алексееву).

Второй важный вывод: антропологические коллекции не однородны. На материалах могильника Жукова Е.Ф. Батиева обнаружила присутствие двух европеоидных морфологических компонентов, первый – долихокранный с узким хорошо профилированным лицом – преобладал среди мужского населения, второй – мезобрахикранный со среднешироким или широким лицом, немного уплощенным на уровне орбит – среди женского²⁸. Особых различий мужской и женской серий (возможно, ввиду малочисленности последней) могильника Псебепс-3 не отмечено²⁹.

Если сравнить усредненные показатели женских серий могильника Жукова и Псебепс-3, на первый взгляд, они почти не отличаются друг от друга. Однако индивидуальные данные женских черепов из Псебепса-3 демонстрируют их высокую однородность³⁰. И совершенно иную картину обнаруживают материалы женской выборки могильника Жукова³¹: здесь усредненные показатели выводились как среднее арифметическое между значительно различающимися величинами. Так, минимальное и максимальное значение назомалирного угла соответственно 133,3 и 144,9, зигомаксиллярного угла – 119,4 и 130,4, угла выступления носа – 14,0 и 29,0 и т.д. А потому поиск аналогий каждому из двух выявленных морфологических компонентов представляется гораздо более продуктивным, нежели их некоему усредненному арифметическому.

В контексте обсуждения своеобразия женской серии могильника Жукова интересны результаты изотопного анализа Sr из образцов двух женских погребений некрополя Бедричка-3 с изотопными сигналами контрольных образцов, которыми послужили раковины моллюской *Gastropoda*, взятые на месте раскопок памятника. Исследование показало, что примерно первые десять лет жизни обследованные провели в геохимических условиях, сходных с местностью, где были возведены гробницы некрополя, а, следовательно, местное происхождение этих женщин, которые, таким образом, не принадлежали к мигрантам первого поколения³².

²⁵ Барагамян 2014, 29–31.

²⁶ Батиева 2011; Герасимова, Фризен, Васильев 2018.

²⁷ Алексеев 1961, 208–220.

²⁸ Батиева 2011, 166.

²⁹ Герасимова, Фризен, Васильев 2018, 108.

³⁰ Герасимова, Фризен, Васильев, 2018, 113, табл. 3.

³¹ Батиева 2011, 165, табл. 5.

³² Дружинина, Медникова 2019, 112, табл. 1.

Еще один важный вывод, полученный при изучении краниологических серий могильников Жукова и Псебепс-3, – это сходство мужской выборки обоих некрополей с аланскими материалами³³. Сравнение жуковских материалов проводилось по методу Пенроуза с выборками из могильников Дуба-Юрт, Мошечая Балка и Гамовское ущелье, Змейская. Согласно таблице 6³⁴, мужская серия наиболее близка черепам из аланских могильников – прежде всего Дуба-Юрт, а также Гамовского ущелья, Мошечая Балка. При сравнении жуковских материалов с краниологией из «адыгских» курганов оказалось, что первые значительно дальше отстоят от пятигорской и особенно черкесской групп (по В.П. Алексееву). И только причерноморская группа обнаруживает столь же близкое сходство с жуковскими материалами, что и памятники аланского круга из Чечни и верховий Кубани. Женская серия, напротив, очень заметно отличается от материалов из Дуба-Юрта, Гамовского ущелья, в меньшей степени от серии из Мошечой Балки и черкесской группы. Самые близкие аналогии находит с материалами погребений причерноморской группы.

Эти данные показывают, что могильники Псебепс-3 и Жукова оставило сложное по этническому составу европеоидное население, компонентами которого в том числе были представители племен Северо-Восточного Причерноморья и аланы. Однако итоговые выводы, представленные в публикациях, не отражают данных наблюдений: «Обе серии, и мужская и женская, при всем своеобразии, наибольшее сходство обнаруживают с черепами из курганов, определенно связанных с адыгским этносом (серии из “черкесских курганов” XIV–XVI вв. н.э.)»³⁵. Коллеги, проводившие сравнение выборки из могильника Псебепс-3 пошли еще дальше, указав конкретное «адыгское племя», с которым можно напрямую сопоставить материалы некрополя XIV в.: «Любопытен факт некоторого сближения с этой совокупностью, содержащей серию натухайцев, серии из Псебепса 3, отличающейся также очень крупным продольным диаметром и происходящей с территории исконного проживания натухайцев»³⁶. Здесь замечу, что субэтноним «натухайцы» на страницах источников не встречается ранее середины XVIII в.³⁷, нужно ли говорить, что этнокультурная ситуация Низовий Кубани этого времени бесконечно далека от реалий эпохи Золотой Орды.

В качестве «археологического комментария» к итоговым выводам антропологов в целом считаю необходимым вновь³⁸ обратить внимание коллег на ключевой момент, без учета которого ошибки в интерпретации результатов исследований много вероятны.

Значительная часть краниологического материала, послужившего для В.П. Алексеева источниковой базой исследования, происходила из могильников, либо не связанных с предками адыгов, либо оставленных смешанным по составу населением, либо из памятников, этнокультурная принадлежность которых не установлена. Вот, к примеру, дословная характеристика источника – одного из

³³ Батиева 2011, 166–167; Герасимова, Фризен, Васильев 2018, 112–113.

³⁴ Батиева 2011, 167.

³⁵ Батиева 2011, 167.

³⁶ Герасимова, Фризен, Васильев 2018, 117.

³⁷ Волкова 1973, 25.

³⁸ Дружинина 2016; 2016а.

№ и название признака	1. Церковная щель	2. Казаново 2	3. Кабардинка	4. Песбегс-3	5. Жукова	6. Ильичевское гор-ще	7. Печенети	8. Золотое	9. Старый Крым	10. Нижнее Подонье (грунт. погр.)	11. Ждановский
1. Продольный диаметр	187,0	185,2	179,2	190,4	185,2	186,8	186,3	177,43	185,7	178,9	179,3
8. Поперечный диаметр	133,3	141,6	139,8	141,6	139,6	140,8	141,4	144,46	146,0	153,5	151,0
8.1. Черепной указатель	71,4	–	78,0	74,4	75,4	–	75,9	81,5	78,6	86,3	84,3
17. Высотный диаметр	134,0	137,6	138,7	143,4	141,4	139,6	130,0	135,09	137,8	134,5	130,0
9. Наименьшая ширина лба	98,7	98,4	96,8	101,9	97,8	98,3	98,0	97,53	–	101,1	99,7
45. Скуловая ширина	128,0	130,4	130,4	137,6	132,2	136,3	138,5	133,31	142,2	145,0	141,6
48. Верхняя высота лица	72,0	70,2	72,3	75	72,4	74,5	75,6	70,53	72,4	75,5	74,7
48:45. Верхний лицевой указатель	53,9	–	55,4	54,4	55,3	–	54,7	52,9	–	–	52,8
55. Высота носа	52,8	52,5	53,0	54,0	51,9	54,6	53,8	52,31	–	54,4	53,6
54. Ширина носа	24,0	23,9	24,4	25,0	25,5	25,2	24,6	24,65	–	27,2	25,7
54:55. Носовой указатель	45,3	–	46,3	46,3	49,3	–	45,7	47,3	–	50,0	48,0
51. Ширина орбиты	41,7	42,3	42,8	42,6	41,9	42,5	42,8	41,08	–	44	43,4
52. Высота орбиты	31,2	33,1	31,9	32,9	33,1	35,5	34,4	34,11	–	34,9	33,8
52:51. Орбитный указатель от mf	74,8	–	74,5	77,3	79,2	–	80,4	83,1	–	79,4	78,0
SC	8,8	9,2	9,0	10,9	–	10,66	7,7	–	–	–	9,7
SS	4,8	4,6	4,6	5,0	–	5,78	4,8	–	–	–	5,0
SS:SC Симметрический указатель	54,8	–	51,4	45,9	50,0	–	62,3	50,07	50,4	46,4	52,0
77 Назомалярный угол	134,7	–	135,8	135,6	137,9	–	141,0	137,66	145,3	145	140,2
75 (1) Угол выступания носа	34,7	32,7	30,0	31,7	29,6	32,6	29,6	29,86	30,0	25,3	30,4
zm	119,0	–	123,0	122,9	124,1	–	136,5	127,12	135,1	135,4	128,6

Табл. 1. Средние размеры и указатели мужских черепов из средневековых могильников Северо-Западного Кавказа, Северо-Восточного Причерноморья, Крыма, Подонья, Приднепровья и Прииттышья (Составлена по: Батиева 2010; 2011; Герасимова 2019; Герасимова, Тихонов А.Г. 2003; Герасимова и др. 2018; Круц 2003; Иванов 2021; Комаров, Китов 2016)

Table. 1. Average sizes and indexes of male skulls from the medieval burial grounds of the Northwest Caucasus, Northeast Black Sea, Crimea, Don River Region, Dnieper River Region and Irtsh River Region (Compiled by: Batieva 2010; 2011; Gerasimova 2019; Gerasimova, Tikhonov 2003; Gerasimova et al. 2018; Kruts 2003; Ivanov 2021; Komarov, Kitov 2016)

трех могильников, материалы которого входят в серию «Побережье суммарно», на аналогиях с которой, во многом, основываются выводы по краниологии могильников Псебепс-3 и Жукова: «Новороссийск. Три мужских и четыре женских черепа из курганов близ Новороссийска хранятся в музее антропологии МГУ. Год раскопок и имя собирателя неизвестны, однако черепа зарегистрированы как адыгейские»³⁹. Всего же серия «Побережье суммарно» насчитывает 14 мужских и 10 женских черепов⁴⁰, иными словами, непонятно происхождение одной пятой черепов мужской серии и без малого половины женской выборки. Безусловно, выбор источников определялся В.П. Алексеевым сложившимися к началу 1960-х гг. научными представлениями о средневековых предках адыгов, состоянием изученности их археологических памятников и целого комплекса проблем межэтнического и межкультурного взаимодействия на территории Северного Кавказа в пред- и золотоордынскую эпоху. Однако именно на результатах анализа этой источниковой базы были сделаны выводы, на которые и поныне опираются специалисты в решении проблемы происхождения адыгов⁴¹.

Ранее уже приходилось обращать внимание на перспективность сравнения антропологических серий из могильников Псебепс-3 и Жукова не только с выборками из некрополей Северо-Восточного Причерноморья, Закубанья, но и с материалами могильников Тамани, Восточного Крыма, выборками из памятников кочевников Восточно-Европейских степей.

В таблице 1 представлены серии из могильников Северо-Восточного Причерноморья – Кабардинка XIV–XV вв., Церковная Щель XVI–XVII в., Закубанья – Казазово 2 второй половины XIII–XIV вв., некрополей X–XII вв. аланского Ильичевского городища, Восточного Крыма – Золотое, Старый Крым XIV в., объединенная серия из грунтовых могильников Нижнего Подонья XIII–XIV вв., из печенежских погребений Приднепровья XI в., для сравнения также были привлечены результаты анализа краниологической серии из кимако-кыпчакского Ждановского могильника X–XII вв. с левобережья Иртыша⁴².

На графике 1 представлены результаты проведенного М.Б. Медниковой анализа методом главных компонент пяти основных признаков мужских серий (1 – продольный диаметр, 8 – поперечный диаметр, 17 – высотный диаметр, 45 – скуловая ширина, 48 – верхняя высота лица). По форме мозгового отдела выделяются два скопления. Первое: выборки № 4 – Псебепс-3, № 6 – Ильичевское городище, а также № 5 – Жукова, второе – выборки № 2 – Казазово 2 и № 3 – Кабардинка (рис. 1).

Еще более показательны результаты кластерного анализа (рис. 2)⁴³. В обособленную группу выделились выборки из грунтовых погребений Нижнего Подонья эпохи Золотой Орды и кимако-кыпчакского Ждановского могильника X–XII вв. Прииртышья. Остальные выборки распределились по двум кластерам. В первый вошли материалы могильников 1 – Церковная Щель, 8 – Золотое, 3 – Кабардинка, 5 – Жукова и 2 – Казазово 2, объединяющим общим признаком для которых, по

³⁹ Алексеев 1961, 209.

⁴⁰ Алексеев 1961, табл. 1 и 2.

⁴¹ Дружинина 2016, 212.

⁴² Комаров, Китов 2016.

⁴³ Автор выражает глубокую благодарность д.и.н. М.Б. Медниковой, осуществившей межгрупповой анализ серий из табл. 1 методами многомерной статистики.

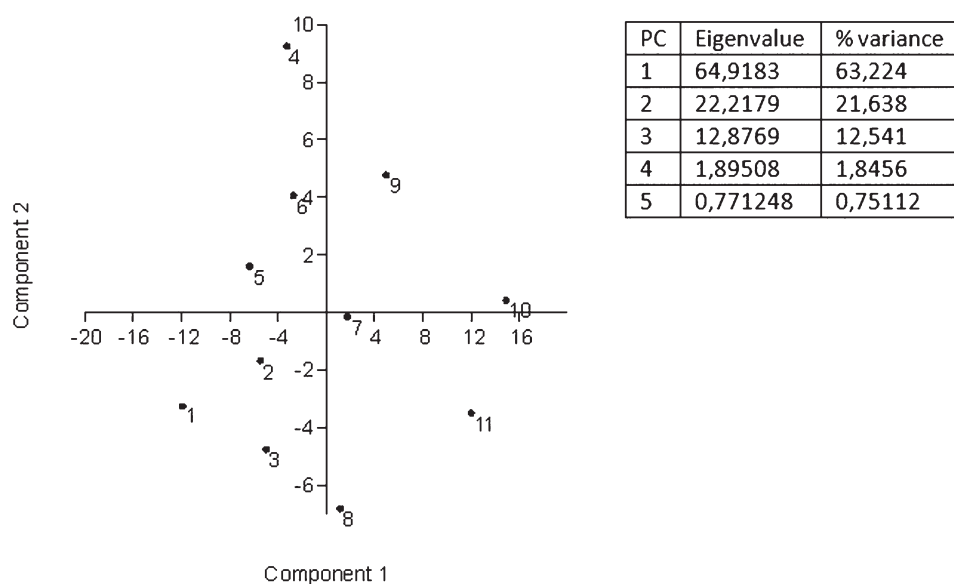

Рис. 1. Мужские черепа из средневековых могильников Северо-Западного Кавказа, Северо-Восточного Причерноморья, Крыма, Подонья, Приднепровья и Приитышья в пространстве I и II главных компонент

Fig. 1. Male skulls from the medieval burial grounds of the Northwest Caucasus, Northeast Black Sea, Crimea, Don River Region, Dnieper River Region and Irtys River Region space of I and II main components

всей видимости, стало превалирование или значительное присутствие протоадыгского этнического компонента. Именно в этом кластере оказались могильники Казазово 2 (в меньшей степени) и особенно Церковная Щель, которые можно в данном контексте рассматривать как близкие к «контрольным» протоадыгским сериям.

Второй кластер, напротив, объединил могильники, где протоадыгский этнический компонент незначителен или отсутствует вовсе: 7 – печенежская серия, 9 – Старый Крым, а также показавшие наибольшую близость выборки из могильников на Ильичевском городище и Псебепс-3. Для второго кластера общим признаком стало превалирование аланского, а также кочевнического компонентов.

Важно подчеркнуть, приведенные в сводной таблице и на графиках данные наглядно показывают, что серии из могильников Псебепс-3 и Жукова при очевидном сходстве заметно отличаются друг от друга. Возможное объяснение видится в том, что основу населения, оставившего два этих памятника, составляли представители протоадыгов и алан, а специфику обеих серий обеспечивало как соотношение этих двух этнокомпонентов, так и присутствие различных иных этнических групп.

Самое высокое соответствие черепа мужской серии обоих могильников (Псебепс-3 и Жукова) показали с объединенной выборкой из некрополей X–XII вв. аланского Ильичевского городища, которую М.М. Герасимова характеризует как

«самую крупноголовую, высокосводную и долихокранную из всех урупских серий, несмотря на то, что в серии есть несколько брахикранных черепов»⁴⁴.

Показательно, что краниологии из могильника Жукова самой близкой оказалась выборка из Казазово 2. Возможно, близость этих двух серий объясняет большее, чем в других памятниках этого кластера, проявление аланского компонента. С другой стороны, очень любопытно близкое соседство на представленных графиках серий Казазово 2 и Жукова с выборкой из мужских погребений печенегов Приднепровья. Материалы могильника Псебепс-3 и вовсе вошли в один кластер с печенежскими. Мужская серия из погребений печенегов – долихокранная с невысоким сводом, широким и высоким, ортогнатным среднепрофилированным лицом, высоким переносом и значительно выступающим носом, комплекс признаков характеризует серию как европеоидную⁴⁵.

В данном контексте закономерно обратиться к материалам самого известного памятника, в составе полиэтничного населения которого присутствовали печенеги, – городищу Саркел – Белая Вежа. Тем более, что для Саркела на протяжении всей его истории «особенно значительными и, по всей вероятности, прямыми были связи с берегами Керченского пролива»⁴⁶. Заметными были и контакты населения Саркела с племенами Северо-Западного Кавказа, что, в первую очередь, проявляется в присутствии так называемой «касожской керамики» в слоях городища⁴⁷. Изучив кухонную керамику с поселения Жукова (конец XII – начало XIV в.), перекрытого в первой половине XIV в. рассматриваемым в данной статье могильником, П.А. Ларенок не только пришел к выводу о ее несомненных параллелях с «касожской» и печенежско-гузской (по С.А. Плетневой) посудой из Саркела – Белой Вежи, но также и о «значительно большей доле в составе жителей Саркела – Белой Вежи представителей племен Закубанья»⁴⁸.

В данной связи особый интерес вызывает наличие общей специфической особенности, выявленной на могильниках Жукова, Псебепс-3 и погребальных памятниках Саркела, в первую очередь, в захоронениях из больших насыпей 17/10, 24/6, 19/1. Этой особенностью являются разновременные захоронения в одной грунтовой яме или в одном деревянном гробу⁴⁹. Подчеркну, данная черта погребального обряда в эпоху Золотой Орды не характерна для курганных и грунтовых могильников предгорий Закубанья, южного побережья Краснодарского водохранилища и Северо-Восточного Причерноморья – исторической территории проживания протоадыгов, в которых среди погребений, совершенных в простых грунтовых ямах или на уровне древнего горизонта, абсолютно преобладают одиночные захоронения⁵⁰. Не характерны разновременные захоронения в простых грунтовых ямах и для средневековых могильников Тамани⁵¹.

⁴⁴ Герасимова 2019, 186.

⁴⁵ Круц 2003, 229. Интересно, что женская печенежская серия – брахикранная, в целом с большей монголоидной примесью.

⁴⁶ Артамонов 1958, 45.

⁴⁷ Плетнева 1959, 239, 241; Армарчук 2017, 38.

⁴⁸ Ларенок 2012, 90.

⁴⁹ Артамонова 1963, 42.

⁵⁰ Дружинина 2018.

⁵¹ Чхаидзе 2004, 404–408.

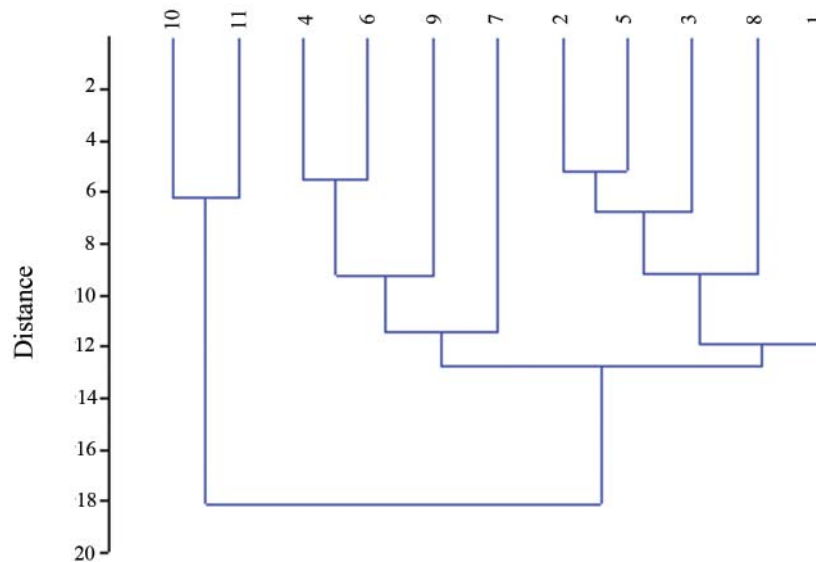

Рис. 2. Мужские черепа из средневековых могильников Северо-Западного Кавказа, Северо-Восточного Причерноморья, Крыма, Подонья, Приднепровья и Приитышья. Результаты кластерного анализа

Fig. 2. Male skulls from medieval burial grounds of the Northwest Caucasus, Northeast Black Sea, Crimea, Don River Region, Dnieper River Region and Irtysh River Region. Results of the cluster analysis

Сравнение показателей мужских серий из могильников Жукова и Псебепс-3 с выборкой из погребений насыпей 24/6 и 19/1 Саркела показывает очень высокую близость (табл. 2). Погребенные в насыпях Саркела оставлены сложным по составу и во многом уже метисным населением. В частности, индивиды из разновременных, т.н. «двойных» погребений, выявленных в насыпи 24/6, по антропологическому типу были европеоидами, а также представителями расового типа Среднеазиатского междуречья⁵².

Как известно, ввиду постоянной угрозы со стороны половцев жизнь в Саркеле – Белой Веже с середины XI в. постепенно замирала и в 1117 г. население в основном покинуло город. Еще несколько десятилетий на его месте просуществовало половецкое зимовище, при этом осталась и небольшая часть прежнего населения. Окончательно город запустел в середине XII в.⁵³ Гипотетически, часть обитателей Саркела – Белой Вежи могла переселиться на восточное побережье Боспора, в окрестности Матархи, и на земли обитания касожских племен – в Закубанье. Вопрос этот, безусловно, требует отдельной, самой тщательной проработки и взвешенных оценок.

⁵² Артамонова 1963, 47.

⁵³ Артмонов 1958, 83–84; Плетнева 1959, 272.

№ и название признака	Псебепс-3	Жукова	Саркел, насыпь 24/6	Саркел, насыпь 19/1
1.Продольный диаметр	190,4 (10)	185,2 (14)	184,7 (27)	184,6 (23)
8.Поперечный диаметр	141,6 (10)	139,6 (14)	140,3 (27)	141,0 (21)
8.1. Черепной указатель	74,4 (10)	75,4 (14)	76,1 (26)	77,1 (21)
17. Высотный диаметр	143,4 (10)	141,4 (14)	136,5 (19)	135,3 (12)
45. Скуловая ширина	137,6 (8)	132,2 (11)	134,2 (24)	132,1 (19)
48. Верхняя высота лица	75 (10)	72,4 (14)	71,6 (27)	71,2 (17)
48:45. Верхний лицевой указатель	54,4 (8)	55,3 (11)	53,3 (23)	53,7 (16)
54:55. Носовой указатель	46,3 (10)	49,3 (13)	48,8 (25)	47,3 (17)
52:51. Орбитный указатель от mf	77,3 (10)	79,2 (14)	76,9 (20)	81,3 (16)
SS:SC Симотический указатель	45,9 (10)	50,0 (14)	47,4 (19)	45,4 (11)
77 Назомалярный угол	135,6 (10)	137,9 (14)	135,8 (21)	137,4 (12)
75 (1) Угол выступания носа	31,7 (6)	29,6 (13)	29,0 (15)	29,9 (10)
zm	122,9 (10)	124,1 (14)	125,6 (21)	126,3 (11)

Табл. 2. Средние размеры и указатели мужских черепов из могильников Псебепс-3, Жукова и насыпей 26/4 и 19/1 Саркела – Белой Вежи (Составлена по: Батиева 2011; Герасимова и др. 2018; Гинзбург 1963)

Table. 2. Average sizes and indexes of male skulls from Psebeps-3, Zhukov burial grounds and mounds 26/4 and 19/1 of Sarkel – Belaya Vezha (Compiled by: Batieva 2011; Gerasimova et al. 2018; Ginzburg 1963)

Особый интерес представляет сравнение материалов грунтовых могильников низовий Кубани с краниологией из Восточного Крыма. Мужская серия из Псебепса-3 почти не выявила эти связи, тогда как определенное сходство устанавливается между мужскими черепами из могильников Жукова и Золотое (рис. 1 и 2).

Ряд исследователей связывают происхождение некоторых крымских памятников золотоордынского времени (Пампук-Кая, Дзукалаи) с переселением на полуостров групп «адыгов»⁵⁴. Не исключая самой возможности миграции отдельных коллективов из низовий Кубани в Крым, со своей стороны отмечу, что гипотеза об «адыгской волне переселения» в конце XIII – начале XIV в. в междуречья Качи – Бельбека и в Алуштинскую долину требует более веских оснований, поскольку в качестве основного ее аргумента исследователи рассматривают наличие в «адыгских» погребениях Крыма жертвенной пищи⁵⁵ – признака, не характерного для погребальных памятников оседлого населения Северо-Восточного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа золотоордынского времени.

Особенности грунтовых могильников анапской группы скорее позволяют ставить вопрос об обратном движении – о переселении части населения Крыма на восточное побережье Боспора – в районы дельты Кубани. Представляется, что частью полиэтничного населения, участвовавшего в формировании грунтовых могильников Нижней Кубани, могло быть население Восточного Крыма, пострадавшего во время гонений на христиан в 1320–1330-х гг.⁵⁶ Так, известно, что на рубеже XIII–XIV вв. Судак и Каффа пережили целый ряд вооруженных нападений

⁵⁴ Мыц 2009, 226; Бочаров 2016, 157.

⁵⁵ Мыц 2009, 217, 226; Бочаров 2016, 157.

⁵⁶ Дружинина 2018, 323–324.

монголов. В 1309 г. была разорена Каффа, в 1322 г. начались гонения на христиан в Судак. В 1323 г. римский понтифик Иоанн XXII (1313–1334) в письме к хану Узбеку (1313–1341) просил о возможности христианам вернуться в город и о возвращении им церквей, которые были превращены в мечети. Но гонения продолжались: в 1327 г. была разрушена София Сугдейская, убит митрополит Сугдеи и Фулл. Сменивший его Лука смог занять престол только спустя десять лет – в 1337 г.⁵⁷

В этом отношении интересны результаты межгруппового анализа крымских серий, проведенного методами многомерной статистики А.В. Ивановым, которые показали, что выборка из могильника Золотое XIII–XIV вв. (Азовское побережье Керченского полуострова) морфологически близка населению Херсона X–XIII вв., особенно сериям из некрополя при «храме с Ковчегом» и «Базилики на холме», а также из Эски-Кермена и христианских некрополей Юго-Западной Таврики. Относительно связей Восточного Крыма и Северо-Западного Кавказа А.В. Иванов, не обнаружив сколько-нибудь близких аналогий⁵⁸, обращает внимание на то, что основу антропологического комплекса, связанного с т.н. «адыгами», составляют относительно узколицы, преимущественно долихокранные типы – встречающиеся в составе населения Юго-Восточного Крыма морфологические комплексы, связанные, по всей видимости, с проникновением на полуостров в раннесредневековый период различных групп алан.

Появление поселения и некрополя Золотое А.В. Иванов объясняет вынужденной миграцией по территории Крыма групп местного ромеизированного населения смешанного происхождения в период вовлечения Таврики в орбиту политического влияния Золотой Орды⁵⁹. Вполне возможно, что эхо этих событий донеслось и до восточного – азиатского – берега Боспора.

В завершение следует подчеркнуть: представленные в работе наблюдения, полученные на основе сравнительного анализа серий из могильников Жукова и Псебепс-3 с краниологическими материалами средневековых памятников соседних с дельтой Кубани территорий, безусловно, носят предварительный характер, в том числе требуют более широкой программы сравнительных исследований антропологические материалы. Но уже на данном этапе очевидна перспективность поднятых в исследовании вопросов, которая, как хочется надеяться, убедит специалистов не ограничивать свой научный поиск ближайшими территориальными аналогиями и побудит их рассматривать культурно-исторические процессы, протекавшие на Северо-Западном Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье, на фоне широкой панорамы событий и явлений одной из самых бурных страниц мировой истории, какой была эпоха Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, В.П. 1961: Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья. В сб.: Н.В. Анфимов (ред.), *Сборник материалов по археологии Адыгеи* 2. Майкоп, 208–220.

⁵⁷ Майко, Джанов 2015, 34.

⁵⁸ Серии из могильников Псебепс-3 и на поселении Жукова исследователь не рассматривал.

⁵⁹ Иванов 2021 (в печати). Автор сердечно благодарит А.В. Иванова за возможность ознакомиться с результатами его исследования, находящегося в печати.

- Алексеева, Е.М., Шавырин, А.С. 1980: Исследования в Анапе и Анапском районе. В сб.: *Археологические открытия 1979 года*. М., 91–92.
- Алексеева, Е.П. 1959: Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. *Труды Карачаево-Черкесского НИИ* 3, 3–82.
- Армарчук, Е.А., 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. В сб.: С.А. Плетнева (ред.), *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века*. М., 207–227.
- Армарчук, Е.А. 2017: *Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII веков*. М.–СПб.
- Артамонов, М.И. 1958: Саркел – Белая Вежа. В сб.: М.И. Артамонов (ред.), *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* 1, 7–84. М.–Л. (МИА 62).
- Артамонова, О.А. 1963: *Могильник Саркела – Белой Вежи*. В сб.: М.И. Артамонов (ред.), *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* 3, 9–209. М.–Л. (МИА 109).
- Барагамян, Р.А. и др. 2014: Две группы позднесредневековых керамических сосудов из поселения «Железнодорожное 2». *Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона* 2, 29–38.
- Батиева Е.Ф. Материалы к антропологии нижнедонского населения в эпоху Золотой Орды. В сб.: Н.А. Дубова (ред.), *Человек: его биологическая и социальная история* 1. М., 130–138.
- Батиева, Е.Ф. 2011: Антропологические материалы из могильника XIII–XIV века средневекового поселения «Жукова». *ВА* 19, 161–168.
- Бонин, А.В., 2015: Охранно-спасательные работы 2010–2013 гг. в Анапе, Новороссийске и Крымском районе Краснодарского края. В сб.: *Археологические открытия 2010–2013 годов*. М., 323–325.
- Бочаров, С.Г. 2016: Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове. *Поволжская археология* 4(18), 144–160.
- Верещагин, В.В., Голубев, Л.Э., 2018: Воинские погребения с лошадьми из курганных могильников «Гостагаевская-1» и «Гос. №258» В сб.: У.Ю. Кочкаров (ред.), *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье*. Карачаевск, 411–414.
- Волкова, Н.Г. 1973: *Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа*. М.
- Герасимова, М.М. 2019: Краниологические особенности населения верховий левобережья р. Кубань VIII–XII вв. *ВА* 4(48), 178–196.
- Герасимова, М.М., Тихонов, А.Г. 2003: Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов. В сб.: Т.И. Алексеева (ред.), *Горизонты антропологии*. М, 286–290.
- Герасимова, М.М., Фризен, С.Ю., Васильев, С.В. 2018: Краниологические материалы из средневековых могильников Краснодарского края. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 4 (43), 108–119.
- Гинзбург, В.В. 1963: Антропологический состав населения Саркела – Белой Вежи и его происхождение. В сб.: М.И. Артамонов (ред.), *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* 3, 260–281. М.–Л. (МИА 109).
- Гончаров, Е.Ю., Красильникова, Л.И., Козмирчук, И.А. 2018: Монетные находки с поселения и могильника Псебепс-3 (Краснодарский край). В сб.: У.Ю. Кочкаров (ред.), *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье*. Карачаевск, 432–435.
- Дружинина, И.А. 2016: К изучению этногенеза адыгов по данным краниологии: археологический контекст. В сб.: *Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа*. Грозный, 211–214.
- Дружинина, И.А. 2016а: Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон. В сб.: *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Казань–Ялта–Кишинев, 215–218.

- Дружинина, И.А. 2018: *Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов*: дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. М.
- Дружинина И.А., Лысанов В.Л., Малышев, А.А., Медникова, М.Б. 2018: Грунтовые погребения в каменных ящиках в долине р. Бедричка: новые материалы о населении Северо-Западного Кавказа в эпоху Золотой Орды. *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе 2*, 278–283.
- Дружинина, И.А., Медникова, М.Б. 2019: Между Крымом, Кавказом и Степью: население степного левобережья Кубани в XIV в. (По материалам археологического и антропологического изучения грунтовых могильников). *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология 1*, 104–116.
- Иванов, А.В. 2021: Средневековое население Керченского полуострова по антропологическим материалам из некрополя Золотое. В сб.: *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. (В печати).
- Комаров, С.Г., Китов, Е.П. 2016: Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения степной полосы Среднего Прииртышья X–XII вв. *Вестник археологии, антропологии и этнографии 2* (33), 97–111.
- Круц, С.И. 2003: Антропологическая характеристика ногайцев XVI–XVIII вв. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа 4*, 206–239.
- Ларенок, П.А. 2012: Саркел–Псебепс – гузы-печенеги-касоги... *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 13*, 86–104.
- Ларенок, П.А., Нечипорук, А.А. 2012: Средневековое поселение и грунтовый могильник “Жукова”. В сб.: *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации*. Махачкала, 347–348.
- Майко, В.В. 2007: *Средневековые некрополи Судакской долины*. Киев.
- Майко, В.В., Джанов, А.В. 2015: *Археологические памятники Судакского региона Республики Крым*. Симферополь.
- Макарова, Т.И. 1998: Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. *МАИЭТ 4*, 344–393.
- Малышев, А.Б. 2013: Христиане и христианство в среде золотоордынской аристократии. В сб.: В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко (ред.), *От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи*. М., 142–165.
- Мыц, В.Л. 2009: *Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты*. Симферополь.
- Нарожный, Е.И. 2011: Об одной «войне» против черкесов. *Золотоордынская цивилизация 4*, 20–28.
- Нарожный, Е.И. 2018: Об “этнокультурных”, “этномиксационных” и “этноформирующих” процессах XIII–XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье (дискуссионные аспекты проблемы) В сб.: *Этногенез и этническая история народов Кавказа*. Грозный, 712–730.
- Нарожный, Е.И. 2019: Археологические памятники XIII–XV вв. на Кубани (некоторые актуальные направления в их изучении). *Социально-гуманитарный вестник 24*, 22–32.
- Нечипорук, А.А. 2018: Средневековый грунтовый могильник Жукова в Западном Закубанье. *Археология евразийских степей 4*, 154–159.
- Плетнева, С.А. 1958: Керамика Саркела – Белой Вежи. В сб.: М.И. Артамонов (ред.), *Труды Волго-Донской археологической экспедиции 2*, 212–272. М.–Л. (МИА 75).
- Стрельченко, М.Л. 1968: *Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв.*: дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. ИИМК РАН. Ф-35. Оп. 2-д. №. 176.
- Чхаидзе, В.Н. 2004: Средневековые погребения Таманского городища. *ДБ 7*, 404–424.

- Чхаидзе, В.Н. 2006: Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове. В сб.: Ю.В. Зеленева (ред.), *Средневековая археология Евразийских степей. Материалы и исследования по археологии Поволжья* 3. М.–Йошкар-Ола, 53–86.
- Чхаидзе, В.Н. 2013: Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства. В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»*. Севастополь, 47–68.
- Шукуров, Р.М. 1995: Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? *Причерноморье в средние века* 2, 68–103.

REFERENCES

- Alekseev, V.P. 1961: Antropologicheskiy tip adygov v epokhu pozdnego srednevekov'ya [Anthropological type of the Adyghe during the Late Middle Ages]. In: N.V. Anfimov (ed.), *Sbornik materialov po arkheologii Adygei* [The collection of materials on archaeology of Adygea] 2. Maykop, 208–220.
- Alekseeva, E.M., Shavyrin, A.S. 1980: Issledovaniya v Anape i Anapskom rayone [Researches in Anapa and the Anapa district]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1979* [Archaeological discoveries 1979]. Moscow, 91–92.
- Alekseeva, E.P. 1959: Ocherki po istorii cherkesov v XIV–XV vv. [Essays on history of the Circassians in the 14th and 15th centuries]. In: *Trudy Karachaevo-Cherkesskogo Nauchno issledovatel'skogo institute* [Proceedings of the Karachaevo-Cherkessk Scientific Research Institute] 3, 3–82.
- Armarchuk, E.A. 2017: *Keramika Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya XI–XIII vekov* [Ceramics of the Northeast Black Sea of the 11th to 13th centuries]. Moscow–Saint Petersburg.
- Armarchuk, E.A. 2003: Pamyatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya X–XIII vekov [Sites of the Northeast Black Sea Region of the 10th – 13th centuries]. In: S.A. Pletneva (ed.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka* [The Crimea, Northeast Black Sea and Transcaucasia during the Middle Age: the 4th to 13th centuries]. Moscow, 207–227.
- Artamonov, M.I. 1958: Sarkel – Belaya Vezha [Sarkel – Belaya Vezha]. In: M.I. Artamonov (ed.), *Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Mission] 1, 7–84. Moscow–Leningrad. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archaeology of the USSR] 62).
- Artamonova, O.A. 1963: Mogil'nik Sarkela – Beloy Vezhi [Burial ground of Sarkel – Belaya Vezha]. In: M.I. Artamonov (ed.), *Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Mission] 3, 9–209. Moscow–Leningrad. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archaeology of the USSR] 109).
- Baragamyán, R.A., Vasilinenko, D.E., Tishchenko, I.B. 2014: Dve gruppy pozdne-srednevekovykh keramicheskikh sosudov iz poseleniya «Zheleznodorozhnoe 2» [Two groups of Late Medieval ceramic vessels of the settlement of “Zheleznodorozhnoe 2”]. *Arkheologiya i etnografiya Pontiysko-Kavkazskogo regiona* [Archaeology and Ethnography of the Pontic-Caucasian Region] 2, 29–38.
- Batieva, E.F. 2010: Materialy k antropologii nizhnedonskogo naseleniya v epokhu Zolotoy Ordy [Materials to anthropology of the Low Don River population during the Golden Horde times]. In: N.A. Dubova (ed.), *Chelovek: ego biologicheskaya i social'naya istoriya* [The Human: his biological and social history] 1. Moscow, 130–138.
- Batieva, E.F. 2011: Antropologicheskie materialy iz mogil'nika XIII–XIV veka srednevekovogo poseleniya “Zhukova” [Anthropological materials from the burial ground of the 13–14th

- centuries of the medieval Zhukov settlement]. *Vestnik antropologii [Herald of Anthropology]* 19, 161–168.
- Bocharov, S.G. 2016: Srednevekovoe selenie Dzukalai na Kerchenskom poluostrove [Medieval Dzukalai Settlement on the Kerch Peninsula]. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]* 4(18), 144–160.
- Bonin, A.V., 2015: Okhranno-spasatel'nye raboty 2010-2013 gg. v Anape, Novorossiyske i Krymskom rayone Krasnodarskogo kraja [Security rescue efforts of 2010–2013 in Anapa, Novorossiysk and the Krymsk District of the Krasnodar Region]. In: *Arheologicheskie otkrytiya 2010-2013 godov [Archaeological discoveries 2010–2013]*. Moscow, 323–325.
- Chkhaidze, V.N. 2004: Srednevekovye pogrebeniya Tamanskogo gorodishcha [Medieval burials on the Taman settlement]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 7, 404–424.
- Chkhaidze, V.N. 2006: Srednevekovye pogrebeniya v kamennykh yashchikakh na Tamanskom poluostrove [Medieval burials in stone boxes on the Taman Peninsula]. In: Yu.V. Zelenev (ed.), *Srednevekovaya arkheologiya Evraziyskikh stepey. Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya [Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes. Materials and Research on the Archaeology of the Volga River Region]* 3, 53–86.
- Chkhaidze, V.N. 2013: Zikhskaya eparkhiya: pis'mennye i arkheologicheskie svidel'stva [Diocese Zikhia: written and archaeological evidences]. In: N.A. Alekseenko (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Imperiya» i «Polis» [“Empire” and the “Polis”]*. Sevastopol, 47–68.
- Druzhinina, I. A., Mednikova, M. B. 2019: Mezhdru Krymom, Kavkazom i Step'yu: naselenie stepnogo levoberezh'ya Kubani v XIV v. (Po materialam arkheologicheskogo i antropologicheskogo izucheniya gruntovykh mogil'nikov) [Between the Crimea, the Caucasus and Steppe: the Kuban River steppe left bank population in the 14th century (based on archaeological and anthropological studding the ground necropolises)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya [Moscow University Bulletin. Ser. 23: Anthropology]* 1, 104–116.
- Druzhinina, I.A. 2016: K izucheniyu etnogeneza adygov po dannym kraniologii: arkheologicheskii kontekst [Studying the ethnogenesis of the Adyghe according to the craniology: archaeological context]. In: *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza [Study and preservation of the archaeological heritage of the Caucasian Peoples]*. Grozny, 211–214.
- Druzhinina, I.A. 2016a: Nizhnee Zakuban'e v XIII–XIV vv.: na granitse kul'tur i prirodnykh zon [Lower Trans-Kuban in the 13th–14th Centuries: on the border of cultures and natural zones] In: *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy [Dialogue of urban and steppe cultures on the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde]*. Kazan–Yalta–Kishinev, 215–218.
- Druzhinina, I.A. 2018: *Pogrebal'nye pamyatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya i Severnogo Kavkaza XIII–XVIII vv. kak istochnik po istorii adygsikh narodov [Burial sites of the Northeast Black Sea and the Northern Caucasus of the 13–18th centuries as a source on history of the Adyghe people]*: PhD. Moscow.
- Druzhinina, I.A., Malyshev, A.A., Mednikova, M.B., Lysanov, V.L. 2017: Gruntovye pogrebeniya v kamennykh yashchikakh v doline r. Bedrichka: novye materialy o naselenii Severo-Zapadnogo Kavkaza v epokhu Zolotoy Ordy [Burial grounds in stone boxes: New materials on the population of the Northwest Caucasus during the Golden Horde times]. In: A.P. Derevyanko (ed.), *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule-Belokurikhe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress]*. Barnaul, 332–333.
- Gerasimova, M.M. 2019: Kraniologicheskie osobennosti naseleniya verkhoviy levoberezh'ya r. Kuban' VIII–XII vv. [Craniological features of the population of the Upper Kuban River

- left bank in the 8th to 12th centuries]. *Vestnik antropologii* [*Herald of Anthropology*], 4(48), 178–196.
- Gerasimova, M.M., Frizen, Page Yu., Vasilyev, S.V. 2018: Kraniologicheskie materialy iz srednevekovykh mogil'nikov Krasnodarskogo kraja [Craniological materials from medieval burial grounds of the Krasnodar Region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography*] 4 (43), 108–119.
- Gerasimova, M.M., Tikhonov, A.G. 2003: Novye kraniologicheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya adygov [New craniological data to a problem of origin of the Adyghe]. In: T.I. Alekseeva (ed.), *Gorizonty antropologii* [*Horizons of Anthropology*]. Moscow, 286–290.
- Ginzburg, V.V. 1963: Antropologicheskiy sostav naseleniya Sarkela – Beloy Vezhi i ego proiskhozhdenie [The anthropological structure of the population of Sarkel – Béla Vezha and his origin]. In: M.I. Artamonov (ed.), *Trudy Volgo-Don'skoy arheologicheskoy ekspeditsii* [*Proceedings of the Volga-Don Archaeological Mission*] 3, 260–281). Moscow–Leningrad. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [*Materials and researches on archaeology of the USSR*] 109).
- Goncharov, E.Yu., Krasilnikova, L.I., Kozmirchuk, I.A. 2018: Monetnye nakhodki s poseleniya i mogil'nika Psebeps-3 (Krasnodarskiy kray) [Coin finds from the settlement and necropolis of Psebeps-3]. In: *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [*The Caucasus in the system of cultural ties of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages*]. Karachaevsk, 432–435.
- Ivanov, A.V. 2021: Srednevekovoe naselenie Kerchenskogo poluostrova po antropologicheskim materialam iz nekropolya Zolotoe [The medieval population of the Kerch Peninsula on the anthropological materials from Zolotoe necropolis]. *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare* [*Proceedings of the VI (XXII) of the All-Russian Archaeological Congress in Samara*]. (Forthcoming).
- Komarov, S.G., Kitov, E.P. 2016: Novye kraniologicheskie dannye k voprosu ob antropologicheskom sostave tyurkskogo naseleniya stepnoy polosy Srednego Priirtysh'ya X–XII vv. [New craniological data on the anthropological structure of the Turkic population of steppe strip of the Middle Irtysh in the 10–12th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography*] 2 (33), 97–111.
- Kruts, S.I. 2003: Antropologicheskaya kharakteristika nogaytsev XVI–XVIII vv. [Anthropological characteristics of the Nogais of the 16–18th centuries]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [*Materials on studying historical and cultural heritage of the North Caucasus*] 4, 206–239.
- Larenok, P.A. 2012: Sarkel–Psebeps – Guzy–Pechenegi–Kasogi... [Sarkel–Psebeps – The Guzy–the Pechenegs–the Kasogi...]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [*Materials and researches on archaeology of the Northern Caucasus*] 13, 86–104.
- Larenok, P.A., Nechiporuk, A.A. 2012: Srednevekovoe poselenie i gruntovyy mogil'nik "Zhukova" ["Zhukov" medieval settlement and the burial ground]. In: *Noveyshie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii* [*The recent discoveries in the Northern Caucasian archaeology: researches and interpretations*]. Makhachkala, 347–348.
- Makarova, T.I. 1998: Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi [Archaeological excavations in Kerch near the Church of Saint John the Baptist]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] 6, 344–393.
- Malyshev, A.B. 2013: Khristiane i khristianstvo v srede zolotoordynskoy aristokratii [Christians and the Christianity among the Golden Horde aristocracy]. In: V.P. Stepanenko,

- A.G. Yurchenko (eds.), *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi* [From Onon to the River Thames. The Borjigin and their western neighbors]. Moscow, 142–165.
- Mayko, V.V. 2007: *Srednevekovye nekropoli Sudakskoy doliny* [Medieval necropolises of the Sudak Valley]. Kiev.
- Mayko, V.V., Dzhanov, A.V. 2015: *Arkheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym* [Archaeological sites of the Sudak Region of the Republic of Crimea]. Simferopol.
- Myts, V.L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty* [Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts]. Simferopol.
- Narozhnyy, E.I. 2011: Ob odnoy «voynе» protiv cherkesov [About a “war” against the Circassians]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Civilization of the Golden Horde] 4, 20–28.
- Narozhnyy, E.I. 2018: Ob “etnokul’turnykh”, “etnomiksatsionnykh” i “etnoformiruyushchikh” protsessakh XIII–XV vv. v Severo-Vostochnom Prichernomor’e (diskussionnye aspekty problemy) [On the “ethnocultural”, “ethno-migration” and the “ethno-forming” processes in the 13th to 15th centuries in the Northeast Black Sea Region (debatable aspects of a problem)] In: *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Kavkaza* [Ethnogenesis and ethnic history of the Caucasian peoples]. Grozny, 712–730.
- Narozhnyy, E.I. 2019: Arkheologicheskie pamyatniki XIII–XV vv. na Kubani (nekotorye aktual’nye napravleniya v ikh izuchenii) [Archaeological sites of the 13th to 15th centuries in the Kuban (some relevant directions in their studying)], *Social’no-gumanitarnyy vestnik* [Social and Humanitarian Bulletin] 24, 22–32.
- Nechiporuk, A.A. 2018: Srednevekovyy gruntovyy mogil’nik Zhukova v Zapadnom Zakuban’e [Zhukov medieval burial ground in the Western Trans-Kuban]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes] 4, 154–159.
- Pletneva, S.A. 1958: Keramika Sarkela – Beloy Vezhy [Ceramic of Sarkel – Belaya Vezha]. In: M.I. Artamonov (ed.), *Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Mission] 2, 212–272). Moscow–Leningrad. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archaeology of the USSR] 75).
- Shukurov, R.M. 1995: Tyurki na pravoslavnom Pante v XIII–XV vv.: nachal’nyy etap tyurkizatsii? [Turkic peoples on the Orthodox Pontus in the 13–15th centuries: initial stage of a tyurkization?]. *Prichernomor’e v srednie veka* [The Black Sea in the Middle Ages] 2, 68–103.
- Strelchenko, M.L. 1968: *Material’naya kul’tura adygeyskikh plemen Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIII–XV vv.* [Material culture of the Adyghe tribes of the Northwest Caucasus in the 13th – 15th centuries]. PhD. Institute for Material History RAS. Fund 35. List 2-d. No. 176.
- Vereshchagin, V.V., Golubev, L.E., 2018: Voinskie pogrebeniya s loshad’mi iz kurgannykh mogil’nikov «Gostagaevskaya-1» i «Gos. № 258» [Burials of warriors with horses in the kurgan necropolises of “Gostagayevskaya-1” and “Gos. No. 258”] In: U.Yu. Kochkarov (ed.), *Kavkaz v sisteme kul’turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov’e* [The Caucasus in the system of cultural ties of Eurasia in the Ancient time and Middle Ages]. Karachaevsk, 411–414.
- Volkova, N.G. 1973: *Etonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal names of the Northern Caucasus]. Moscow.

POPULATION OF THE LOWER KUBAN OF THE 13th–14th CENTURIES
ON ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL MATERIALS:
CONTINUATION OF THE DISCUSSION

Inga A. Druzhinina

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
inga_druzh@mail.ru

Abstract. The article deals with results of the complex analysis of the archaeological and anthropological materials from a series of the 14th and 15th centuries necropolises localized in the lower Kuban River Region (Gostagayevsky, Zhukova, Psebeps-3, Bedrichka-3, Natukhayevsky-5). These necropolises are already attributed to be burial sites of the medieval Adyghe. The author pays special attention to a number of peculiar features such as the stone tombs of a special construction, the practice of burials occurring at different times in one grave, the presence of wooden coffins in stone tombs and other details which allocate this group of sites to synchronous burial grounds in the Northwest Caucasus and Northeast Black Sea Region. The author suggests the multiethnic nature of population which left the burial grounds under consideration. Analogies are shown to features of funeral complexes of the considered necropolises in medieval sites of the Taman peninsula, the Crimea and the Don River Region. A wide archaeological comment of results of the analysis of anthropological materials from these burial grounds is submitted.

Keywords: Medieval archaeology, anthropology, Lower Kuban River Region, burial grounds, stone boxes, the Circassians, Golden Horde
